

УДК 327.83

DOI: 10.31857/S0869049924040016
EDN: ZICAYM

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТЕКТОЛОГИИ А. БОГДАНОВА MODERN INTERPRETATIONS OF A. BOGDANOV'S TEKTOLOGY

Оригинальная статья / Original article

Обращение к натурализации культуры при исследовании международных институциональных трансформаций¹

© М.В. СТРЕЖНЕВА

Стрежнева Марина Вадимовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), m.strezhneva@imemo.ru.
ORCID: 0000-0002-6561-4367

Проанализированы методологические аспекты изучения институциональных трансформаций в международных отношениях, которые позволяют лучше объяснить взаимосвязь между дискурсом, институтами и действиями государств на мировой арене. Концептуальной основой исследования послужило понятие международного общества из английской школы теории международных отношений, трактуемого как ассамбляж, который взаимодействует со своей эволюционирующей социокультурной средой в рамках общей системы (что согласуется с организационной теорией А. Богданова). Два компонента в этой связке не составляют жесткой дихотомии (материального и идеального либо объективного и субъективного). Предложена оригинальная аналитическая схема их взаимоотношений, подразумевающая представление о «натурализации», претерпеваемой институтами как коллективными репрезентациями в процессе конструирования международно-политической реальности. Эта схема позволяет наглядно различать такие когнитивные факторы, как культура или идеология, с одной стороны, и социальную реальность – в данном случае воплощенный в устоявшихся правилах международно-политический контекст борьбы за сохранение/изменение социокультурных норм – с другой стороны. Особое внимание уделено политическому значению норм международно-права. Процесс их «натурализации» проиллюстрирован двумя примерами из международно-правовой практики, которые подтверждают, в частности, значимую роль «колеблющихся» государств (Южная Африка, Индонезия) в наблюдаемых ныне изменениях в международном порядке.

¹ Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Funding. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

Ключевые слова: А.А. Богданов, английская школа, ассамбляж, натурализация, международное общество, международная система, культурная эволюция, коллективная репрезентация, Ч. Дарвин, Ж.-Б. Ламарк

Цитирование: Стрежнева М.В. (2024) Обращение к натурализации культуры при исследовании международных институциональных трансформаций // Общественные науки и современность. № 4. С. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049924040016, EDN: ZICAYM

Naturalization of Culture in Institutionalism-Infused Study of International Transformations

© M. STREZHNEVA

Marina V. Strezhneva, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), m.strezhneva@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6561-4367

Abstract. Methodological dimensions in the study of institutional transformations in international relations are discussed, allowing to better explain the relationship between discourse, institutions and behavior of states on the world stage. The concept of international society, borrowed from the English school, serves as the basis for the research. In agreement with the theory of organization by A. Bogdanov, international society is treated as an assemblage, consistently interacting with its evolving sociocultural environment. The two components of this combination do not constitute any rigid dichotomy (of material and ideal or of objective and subjective). An original analytical scheme of their relationship is offered, implying the idea of “naturalization” being undergone by institutions as collective representations in the process of constructing international reality. The scheme allows us to distinguish more clearly between factors such as culture or ideology, on the one hand, and the international context of the struggle for the preservation/change of sociocultural norms embodied in institutionalized rules, i.e. social reality, on the other hand. Particular attention is paid to the political significance of the norms of international law. The process of their “naturalization” is illustrated by two cases from international legal practice. They confirm, in particular, the considerable role of the so-called swing states (South Africa, Indonesia) in the current shifts in the international order.

Keywords: A. Bogdanov, English school, assemblage, naturalization, international society, international system, cultural evolution, collective representation, Ch. Darwin, J.-B. Lamarck

Citation: Strezhneva M.V. (2024) Naturalization of Culture in Institutionalism-Infused Study of International Transformations. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049924040016, EDN: ZICAYM (In Russ.)

Понятие международного общества ассоциируется с английской школой в теории международных отношений (ТМО), потенциал которой сильно недооценен. Ведущий автор школы Х. Булл определял его как группу государств-«единомышленников», которые связаны общим набором (порядком) правил и сотрудничают в общих организациях [Bull 1977]. Один из основателей английской школы М. Уайт в 1960-е гг. предложил типологию международных порядков, которая включает в себя три традиции (логики) межгосударственного взаимодействия: реализм (по Н. Макиавелли), рационализм (по Г. Гроцию)²

² В правовой доктрине Гуго Гроция естественное право представляет собой вечный, неизменный закон, который апеллирует к разуму человека. Позитивное право рассматривается как нормы, меняющиеся в зависимости от социально-исторических условий [Гусарова 2021, 71].

и революционизм (идеализм) (по И. Канту) [Wight 2022]. Приверженцы английской школы явно отдавали предпочтение второму варианту. С их точки зрения, международное право задает международному обществу нормативную рамку, поддерживая структуру взаимных ожиданий, без которой взаимодействие государств наверняка быстро развалилось бы [James 1973, 68]. Авторы коллективной монографии под редакцией Х. Булла и А. Уотсона сформировали нарратив о глобальной экспансии западных правил и норм международного общества, а также о его подверженности изменениям, которые могут стать предметом эмпирического исследования [The Expansion of...1984].

Авторы английской школы определяют институты как долговечные практики в отношениях между государствами (это суверенитет, дипломатия, баланс сил, международное право, война и рынок), но не международные бюрократические структуры (организации, такие как ООН или АСЕАН). Последние они называют вторичными (псевдо)институтами. Их эффективность поставлена в зависимость от функционирования основных институтов, которые существуют по сложившейся привычке на основании скорее общих пониманий, а не четких правил.

Сегодня многие теоретики в сфере МО признают диалектический процесс, который разворачивается между агентами и структурами, что получило развитие в социальном конструктивизме (П. Бергер и Т. Лукман) и в работах социолога Э. Гидденса. Другую модель отстаивают авторы, работающие в русле критического реализма (Р. Бхаскар) и морфогенетического подхода (М. Арчер)³. Всем названным направлениям присущ «эгоцентризм», стремление к изоляции структуры от акторов в методологическом либо аналитическом плане.

В данной статье применен альтернативный подход, а именно реляционная перспектива. Вместо социальных законов в ней постулированы процессы, которые разворачиваются в клубке разнонаправленных взаимодействий. Общую направленность для них никто не способен задать в одиночку. Переплетение планов и действий множества людей и разных групп приводит к результатам, которые никто конкретно не планировал, что не снижает важности государств как акторов – тем более, что большинство людей продолжают считать именно государства «последними единицами выживания» [Elias 2001, 206].

Институты в этой статье трактуются как коллективные репрезентации международных отношений с определенным нормативным наполнением. Посредством дискурса они способны воплощаться в правила поведения государств в международно-политической практике, которые воспринимаются как естественные, сами собой разумеющиеся. Многие политологи, социологи и экономисты подчеркивают, что отдельные государства, которые не соблюдают такие правила (воплощенные нормы), заведомо рискуют навлечь на себя международные санкции. Однако такой взгляд не учитывает случаи и особенности инновационного поведения, поскольку продвижение институциональных инноваций требует как раз отхода от конвенциональности – прежней нормы. Чтобы различать институты и культурные нормы при исследовании институтов как действующих международных правил (зеркального отражения коллективных репрезентаций из культурной сферы) в данной работе (реальное) международное общество предложено рассматривать в системной связке с его собственной социокультурной средой с привлечением поня-

³ Критический реализм отстаивает существование мира, независимого от знания о нем. Даже признавая особость и эмерджентные свойства социальной сферы, Р. Бхаскар доказывает, что общественные науки могут быть науками точно в том же смысле, что и естественные, с чем А. Богданов, как автор теории пролетарской культуры, не согласился бы [Богданов 1911].

тия натурализации культуры. Далее такая схема проиллюстрирована на эмпирических примерах. В заключение предложены выводы о том, как коллективные репрезентации (институциональные нормы) могут получать практическое воплощение – в особенности в ходе правового дискурса.

Международное общество как ассамбляж

Чтобы избавить видение международного общества от статичности и евроцентризма, теоретики английской школы обратились к понятию ассамбляжа [The Globalization of... 2017]. Ассамбляж представляет собой конструкции, сочетания разнородных элементов, не-единую целостность, которые вне культурной среды характеризуются исключительно их внешними отношениями композиции, комбинирования и агрегации. Таким образом, понятие ассамбляжа отличается от понимания системы, принятого в ТМО. Последняя состоит из набора акторов и сущностных объектов либо набора переменных (бюрократический аппарат, мнения, интересы и политическая деятельность), которые и задают параметры исследования. В международной политике речь идет в таком случае о подпадающих описанию и анализу интеракциях между государствами, но уловить общие параметры институциональных изменений не представляется возможным, поскольку они зависят от эмерджентных свойств целого (системы, ассамбляжа), которые непосредственно такими интеракциями не определяются.

Мексикано-американский писатель и философ М. Деланда, оттолкнувшись от разработок Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которые первыми предложили теорию ассамбляжа [Делёз, Гваттари 2010], рассмотрел вытекающее из нее понимание взаимосвязи целых ассамбляжей с их частями (элементами). Попутно он подверг критике «организмическую» (биологическую) метафору в социологии, посредством которой человеческие сообщества уподобляют пчелиному рою или муравейнику как множеству живых организмов, сосуществующих и ко-эволюционирующих в симбиотических реципрокных взаимоотношениях в сложном составе более крупного объединения. Признать такими организмами государства в любом случае довольно затруднительно. Деланда указывал на излишнюю легкость, с которой обществоведы трактуют общественные формации подобно биологическим организмам, из-за чего элементы этих формаций предстают у них чем-то вроде «органов» одного и того же тела. Такая перспектива, по его мнению, искажает понимание отношений между ассамбляжем и его составными частями, мешая восприятию организационных процессов и властных отношений [Delanda 2006, 4–11].

Деланда отстаивает плоскую онтологию нового материализма, для которого материальное и социальное есть силы, равным образом действующие в процессе собирания коллективов/ассамбляжей. Сам по себе новый материализм натурализму противоположен. Как и тектология А. Богданова, если бы мы рассматривали ее в отрыве от идеи эмпириомонизма (монистическая теория живого опыта), теория ассамбляжа в трактовке Деланда напоминает метафизический конструктор⁴ [Шевченко 2020]. Однако у Делёза, как и у Богданова, ссылки на науку в философских работах так или иначе проникнуты натурализмом. Богданов в особенности настаивал на эволюционных отношениях в диалектике внутреннего (в нашем случае международного общества) и внешнего (социокультурной среды, в которую международное общество погружено). Одновременно внешнему он отводил устанавливающую и конструктивную роль в структурной трансформации внутреннего [Zeleny 1988].

⁴ В таком качестве для нее могут стать ключевыми понятия из тектологии, которые характеризуют формирующий механизм: «конъюгация», «цепная связь», «ингрессия», «дезингрессия» и др.

Британский исследователь Т. Флокхарт, опираясь на позиции английской школы, предложила небезынтесную трактовку наблюдаемой трансформации в международной системе, которая, впрочем, не учитывает перспективную идею ассамбляжа. По ее мнению, происходит переход к мульти-порядковому миру, который включает в себя как минимум три международных порядка: порядок во главе с США, евразийский порядок во главе с Россией и китайской порядок «Пояса и пути». Как отмечает исследовательница, реляционная динамика якобы будет отныне наблюдаться не столько в отношениях между суверенными государствами, сколько внутри отдельных порядков и между ними [Flockhart 2024, 471]. В этой картине мир распадается на несколько международных обществ, которые разнятся своей внутренней культурой, и движется к оформлению децентрализованной структуры глобальных отношений. В такой системе ряд государств (Индия, Бразилия, Индонезия и Южная Африка) попадают в разряд «колеблющихся» между возникающими порядками [Flockhart 2024, 475].

Флокхарт отходит от определения международного общества, данного Буллом (см. выше), отдавая предпочтение более «емкому» определению британско-канадского политолога Б. Бузана [Flockhart 2016, 12-13], которое включает общую идентичность у каждого из международных обществ в отдельности.

Придерживаясь терминологии Богданова, Флокхарт прогнозирует оформление рыхлой и неустойчивой структуры с несколькими «агрессивными центрами» (США, Россия, Китай), в которой средние и малые государства не смогут играть самостоятельную роль. В то же время «колеблющиеся» государства не заинтересованы в том, чтобы глобальное международное общество было разорвано на три замкнутые разнородные системы. Если глобальное международное общество все же «живет» как ассамбляж, погруженный в общую (пусть даже довольно разреженную) культурную среду и образует общую систему с нею, то у «колеблющихся» государств может проявиться дискурсивная власть, которая будет мешать неблагоприятному для них развитию событий.

Натурализация культуры

Организационная теория Богданова побуждает усматривать корни действий различных акторов в культуре. Для него культура есть организованный опыт человечества и, соответственно, орудие организации последующего коллективного опыта. Акцент на культуру избавляет аналитика от восприятия обществ как машиноподобных сущностей, которые подчиняются общим социологическим законам. Взамен они предстают перед ним как случайные в конечном счете творения, которые, тем не менее, зависят от действий людей, движимых определенными культурными моделями. Такие действия рациональны, но они обретают смысл только в силу того, что культурная среда их легитимизирует.

Английский философ Ф. Бэкон признавал «естественную магию» самым совершенным разделом натурфилософии: на основе более глубокого знания природы она способна производить трансформации и (искусственно) творить новые сущности, которые иначе в природе не возникли бы. Как следует из его работы «О достоинстве и приумножении наук», Бэкон хотел реабилитировать ренессансную магию, чтобы сохранить ее власть над природой и, очистив «магию» от предрассудков и шарлатанства, достигать с ее помощью научно-технических «чудес» на благо людям.

Если в работах Бэкон налицо методологическая натурализация культуры, то у К. Лоренца, одного из основоположников этологии, имеет место ее более выраженная онтологическая версия. В его интерпретации человека не следует представлять неким над-природным существом или явлением, не подчиненным естественным законам. По мнению

К. Лоренца, человеческий разум тоже полезно рассматривать в рамках эволюции живых существ [Кезин 2006, 18–21]. Однако Лоренц, в отличие от Богданова, рассматривал человеческое общество как совокупность индивидов, не придавая самостоятельного значения социально-культурным условиям его существования.

Лоренц считал Ч. Дарвина предшественником поведенческой биологии. Действительно, в работе «Выражение эмоций у человека и животных» Дарвин фиксирует эволюционную преемственность между животными и человеком, подчеркивая, что эмоциональные проявления универсальны. Тем не менее именно в этой книге он практически не затрагивает вопрос естественного отбора (механизма изменения) при обсуждении поведения человека, скорее отталкиваясь от исходно ламарковской идеи наследования приобретенных признаков⁵.

В рамках данной работы наибольший интерес представляет эпистемологическая версия натурализации социальной культуры, представленная у Богданова. Из его организационной теории следует, что схему подбора (регулирующий тектологический механизм селекции) можно использовать не только в отношении биологических сюжетов. Она также применима к социальной культуре как «ко всякому комплексу и ко всякой его части во всякий момент», так как это не более чем «определенная точка зрения, с которой можно подходить к любому факту» [Богданов 1922]. Общественный подбор предполагает целенаправленное поддержание институциональных логик, которые соответствуют жизненным целям определенных групп людей. Объектом подбора, соответственно, можно считать международные правила, потенциально подлежащие укоренению в качестве новых. Они основаны на нормах, заявленных в социокультурной «окружающей среде», фактором подбора которых, в свою очередь, выступают государства, влияющие на этот процесс своими реальными действиями. Предлагаемая концепция признает, что эволюционную теорию можно распространить на изучение социокультурных изменений. Причем в ней, как и у Богданова, онтология (ассамбляж международного общества) и эпистемология (соответствующая идеология и культура) образуют пару, связь в которой может носить объективный характер [Клейнер 2023].

Тектология выделяет людей как активных субъектов нормативного выбора, которым свойственны эмоции и способность избирательно адаптироваться к среде. Отталкиваясь от того, что социальная культура есть изменчивая система, основанная на процессах селекции, социокультурная норма (которая способна эволюционировать «по Дарвину») выступает в ней как репликатор. Интеракторами предстают люди, которые образуют организованные группы (в том числе государства) и погружены в международную культуру. Это не значит, что при изучении социальной культуры направленное изменение (своего рода ламарковское наследование приобретенных признаков) нельзя совместить с эволюцией по Дарвину [Месуди 2019, 119]. Интеракторы (люди, организованные в государства) взаимодействуют с культурой таким образом, что меняется популяция интеракторов и связанные с ними репликаторы [Kronfeldner 2006].

Новые правила постепенно укореняются. Государства начинают воспринимать их не как сочетание преобладающих культурных норм, которые могут быть или не быть близки данной организованной группе, а как нечто «нормальное» и «неизбежное», с чем бессмысленно спорить. Речь идет в том числе о более или менее очевидном признании и легитимации таким образом прежних «девиаций» – того, что ранее нормой не считалось

⁵ В «Эмпириомонизме» [Богданов 2003] Богданов упоминает свой разговор с биологом К.А. Тимирязевым, где речь шла о наследственности приобретенных свойств, которая доказана для некоторых случаев, но еще не объяснена.

[Taylor 2009, 47]. С точки зрения дискурса появляется специфический «язык нормализации», который, используя разные стратегии, взламывает прежние нормативные границы. Таким образом на институциональном уровне легитимизируется отступление от прежних стандартов [Krzyżanowski 2020].

Эволюция «нормальности» в международных отношениях: конкретные случаи

Международные правила с давних времен регулируют ведение войн, установление и отмену торговых барьеров для импорта, принадлежность морских островов. Однако до сих пор мало кто из политологов обращал пристальное внимание на то, как и где устанавливают или оспаривают подобные правила [Hirschl 2008], что придает им легитимность. Между тем решения международных судебных инстанций заметно сказываются на том, как могут изменяться «правила игры» в международной морской политике [Cook 2021]. Еще один пример из другой области – установление Европейским союзом собственного углеродного сбора, то есть трансграничной протекционистской меры, которую он оправдывает утечкой углерода. Цель очевидна – прикрыть себя от обвинений в том, что Брюссель не соблюдает обязательства по линии ВТО [Durel 2024]. В свете поставленных в данной статье исследовательских задач закономерный интерес должны представлять правовые нарративы, которые сопровождают коррекцию либо попытки продвижения естественных для глобального международного общества норм поведения такими «колеблющимися» государствами, как Южная Африка и Индонезия.

Пример первый. 29 декабря 2023 г. Южная Африка выдвинула в Международном суде ООН в Гааге (Суд) обвинения против Израиля в нарушении им Конвенции ООН о геноциде 1948 г. (Конвенция) своими действиями в секторе Газа, «находящемся под израильской оккупацией» с 1967 г. В январе 2024 г. в Суде состоялись двухдневные слушания по вопросу о том, следует ли быстро принять запрошенные Южной Африкой «временные меры» в отношении Израиля.

Южноафриканская сторона аргументировала свою позицию следующим образом. Чрезмерный характер израильских действий не был продиктован военной необходимостью. Израиль действовал с конкретным намерением уничтожить палестинцев в Газе как часть палестинской национальной, расовой и этнической группы. Суду были представлены многочисленные документы ООН, подтверждающие, что степень страданий, причиненных Израилем палестинскому населению Газы, отвечает сразу нескольким требованиям *actus reus* (определение состава преступления) по статье 2 Конвенции. Предполагаемые геноцидальные намерения нашли подтверждение в провокационных заявлениях израильских публичных лиц, которые также были доведены до сведения Суда в ходе слушаний⁶. Представители ЮАР обосновали свой иск тем, что их страна «носит на себе шрамы апартеида», и южноафриканцы уверены, что палестинцы тоже заслуживают свободы.

Израиль отверг предъявленные обвинения, настаивая на собственном праве на самооборону в ответ на атаку со стороны радикального движения ХАМАС, совершенную не далее, как 7 октября 2023 г. Израиль не отрицал вред и страдания, которые претерпевает гражданское население Палестины, но отмечал, что страдают также мирные израильтяне и тем более 130 израильских заложников, которых удерживают в Газе. Израиль настаивал,

⁶ Shany Yu., Cohen A. South Africa vs. Israel at the International Court of Justice: a Battle over Issue-Framing and the Request to Suspend the War. Just Security. January 16, 2024. (<https://www.justsecurity.org/91262/south-africa-vs-israel-at-the-international-court-of-justice-a-battle-over-issue-framing-and-the-request-to-suspend-the-war/>).

что «он не начинал и не хотел» этой войны с террористической организацией, «чья жестокость не знает границ»⁷. Израиль решил принять участие в судебных слушаниях в качестве ответчика, рассчитывая на то, что еврейское государство по определению не может быть признано виновным по делу о геноциде⁸. На самом деле своим участием Израиль подтвердил легитимность данной международной судебной «площадки» для рассмотрения выдвинутых в его адрес обвинений⁹, чем подорвал убедительность западных претензий на односторонний контроль над международным дискурсом о геноциде.

Чтобы исправить этот тактический просчет, Германия выразила несогласие с содержанием иска ЮАР и пожелала посредничать в слушаниях по данному делу в качестве третьей стороны. Представители Германии повторили ключевой израильский аргумент: Израиль «защищает себя» после «бесчеловечного побоища», которое устроил ХАМАС. Между тем 15 и 16 января 2024 г. Корпус стражей исламской революции атаковал позиции в Иракском Курдистане, Сирии и Пакистане. По заявлению пресс-секретаря МИД Ирана Н. Канаани, трансграничные атаки «соответствовали авторитетной защите суверенитета и безопасности страны, борьбе с терроризмом»¹⁰. Тот факт, что они совпали во времени с израильскими и германскими заявлениями в контексте слушаний в Гааге, вряд ли можно счесть случайностью. Иранская акция продемонстрировала, что право на трансграничную защиту от террора вряд ли получит международное признание в качестве чьей-то исключительной привилегии, и его применение не должны сопровождать десятки тысяч «чужих» безвинных жертв.

26 января 2024 г. Суд вынес по иску ЮАР промежуточное решение¹¹, согласно которому Израиль должен воспрепятствовать геноциду в Газе. Суд потребовал, чтобы Израиль предотвратил и наказывал прямое и публичное подстрекательство к геноциду в отношении палестинцев, а также обеспечил предоставление гуманитарной помощи населению сектора Газа. Вне зависимости от того, собирался ли Израиль это решение выполнять, решение Суда, как отметил министр иностранных дел Палестинской национальной администрации Р. аль-Малики, свидетельствует, что «государства теперь обязаны по праву остановить геноцидальную войну Израиля... и позаботиться о том, чтобы самим не оказаться в ней замешанным»¹².

⁷ Shany Yu., Cohen A. South Africa vs. Israel at the International Court of Justice: a Battle over Issue-Framing and the Request to Suspend the War. Just Security. January 16, 2024. (<https://www.justsecurity.org/91262/south-africa-vs-israel-at-the-international-court-of-justice-a-battle-over-issue-framing-and-the-request-to-suspend-the-war/>).

⁸ Международный суд ООН вправе рассматривать дело лишь в том случае, если соответствующие государства согласились стать сторонами разбирательства.

⁹ Данное дело – не единственное разбирательство о геноциде, которое слушалось в Международном суде ООН. О деле «Украина против России» см., например, здесь: Международный Суд ООН – решение по делу о геноциде «Украина против России»: Украина проиграла. Zakon.ru. 02.02.2024. (https://zakon.ru/blog/2024/2/2/mezhdunarodnyj_sud_oon_-_delo_o_genocide_ukraina_protiv_rossii_ukraina_proigrala). О решениях Суда ООН по преступлениям геноцида см. также: Corder M. How genocide officially became a crime, and why South Africa is accusing Israel of committing it. Associated Press. 25 January 2024. (<https://apnews.com/article/genocide-explainer-israel-hamas-africa-court-7b74e7a1fdf4512e44a42066581fa587>).

¹⁰ МИД Ирана назвал ракетный удар КСИР по центрам террористов ответом на действия против нацбезопасности. Информационное агентство Исламской Республики (ИРНА). 16 января 2024 г. (<https://ru.ima.ir/news/85356065>).

¹¹ Временные меры, принятые Международным судом ООН, обязательны к исполнению, но у Суда нет средств для принуждения государств к этому.

¹² Abushamala Rania R.a. Palestine hails top UN court's provisional measures on Israel's war on Gaza. Anadolu Agency. 27 January 2024. (<https://www.aa.com.tr/en/middle-east/palestine-hails-top-un-courts-provisional-measures-on-israels-war-on-gaza/3119818>).

Пример второй. Трудно преувеличить значение Конвенции ООН по морскому праву (Морской конвенции) 1982 г. для Индонезии. В первые годы после обретения страной независимости индонезийский премьер-министр Дж. Картавиджайя (1957–59 гг.) был обеспокоен тем, что иностранные (военные) суда могли свободно проходить через прибрежные воды государства, угрожая национальной безопасности. Страна выступила с односторонней декларацией, где говорилось, что морские пространства вокруг архипелага нужно признать находящимися под суверенитетом Индонезии, тем самым закрыв их для международной навигации [Tangkilsan 2019]. Несмотря на протесты со стороны западного международного сообщества, отстаивавшего принцип свободы судоходства, в 1960 г. эта декларация стала национальным законом, положив начало дипломатической кампании за международное признание Индонезии государством-архипелагом.

В Морской конвенции нашло формальное признание существование новой категории государств (архипелажные), которые располагают суверенитетом над своими «архипелажными водами». Однако в ней содержится оговорка, согласно которой Индонезия должна предоставлять свободу международной навигации через национальные архипелажные воды. Документ вводит понятие «архипелажные морские коридоры» для проходов, которые назначают признанные государства-архипелаги. Для транзита по ним иностранным морским и воздушным судам не требуется специального разрешения. Отказавшись от участия в Морской конвенции, США, тем не менее, признали новый статус Индонезии.

Сейчас Индонезия – единственная страна, которая определила архипелажные коридоры в соответствии со ст. 53 Морской конвенции. Однако с точки зрения Международной морской организации речь идет лишь о «частичном определении», так как государство не включило в список все «нормальные» маршруты прохода через «архипелажные воды» Индонезии, как того требует пункт 4 статьи 53 и в чем заинтересованы, в частности, США. В то же время в национальном законодательстве страны прописано, что права свободного прохода для иностранных судов могут быть установлены только по определенным коридорам. Соответственно, оно оставляет маршруты неопределенными под действием режима «мирного прохода» [Puspitawati 2018]. При «мирном проходе» подводная лодка должна перемещаться по водной поверхности. Если же при этом обнаружится, что цели не были мирными, Индонезия вправе отказать судам, включая подводные лодки, в доступе к проходу через свои территориальные и архипелажные воды вне определенных коридоров.

Между тем 16 сентября 2021 г. было заключено трехстороннее соглашение Вашингтона, Лондона и Канберры в сфере безопасности – AUKUS. Намерение США и Великобритании оснастить Австралию подлодками на атомном ходу пробудило опасения о потенциальной гонке вооружений в ИТР. Индонезия в особенности обеспокоена перспективой того, что в случае регионального конфликта с участием Китая австралийские подлодки смогут свободно входить в Южно-Китайское море через один из определенных индонезийских архипелажных коридоров. Индонезийцы задаются вопросом, вправе ли они этому помешать и как именно. Некоторые индонезийские представители предполагают, что в данном контексте Индонезии следует рассмотреть вопрос о запрете на проход иностранных подводных лодок через свои архипелажные воды, если они вовлечены в военные действия. Однако представители стран-участниц AUKUS утверждают, что даже закрытие Индонезией морских путей (которое они считают маловероятным) не поставит под угрозу военные операции с участием их подводных лодок, так как у Индонезии недостаточно технических возможностей, чтобы находить и отслеживать такие судна.

* * *

В настоящей статье международное общество, согласно английской школе ТМО, было представлено в виде ассамбляжа. Рассмотрен порядок (генерализованная логика), в который складываются его институциональные структуры. Институциональный комплекс международного ассамбляжа выступает «пропускной границей» для ассимиляции культурных норм, наделенной подвижной системной рациональностью. Было показано, что вопросы постепенных институциональных изменений в международном обществе можно объяснять, скорректированным образом прилагая принципы биологической эволюции, сформулированные Дарвином и Ламарком, к эволюции социокультурной системы. Социокультурная система, трактуемая как окружающая среда ассамбляжа международного общества, системно связана с ним. На ход ее эволюции активно влияют люди, объединенные в государства, которые выступают в этом процессе интеракторами. Их действия движимы национальными интересами, нормативными предпочтениями и эмоциями. Влияние подобных действий осуществляется в дискурсивных процессах, в итоге меняя структурные ограничения в практике функционирования международного общества.

В ходе исследования было установлено, что государства нередко сознательно нарушают принципы международного права и зачастую находят для того оправдания. Из приведенных выше двух примеров можно сделать вывод (в порядке формулирования гипотезы), что функция международного права (относящегося к культурной среде) состоит не в том, чтобы сверху наделить межгосударственные отношения некой новой совокупностью регулирующих правил. Оно обеспечивает хабиитуализацию таких правил: международная популяция государств начинает воспринимать их как новую «нормальность», которая формируется по инициативе самих же государств как организованных индивидов. Натурализованные в таком смысле правила всегда сохраняют определенный ценностный фундамент, однако для международного сообщества и его членов они могут выглядеть нормальными, даже неизбежными, и не вызывать вопросов.

Вне зависимости от степени кодификации международного права, для политологов более информативна и показательна принятая на тот или иной момент конкретная практика межгосударственного общения. Данное понятие шире понятия коммуникации, так как оно более полно раскрывает богатство человеческих взаимоотношений, которые не исчерпываются информационными процессами. С учетом данного аспекта можно констатировать, что в международном обществе наметился переход от западной гегемонии к более равноправным межгосударственным отношениям. В них односторонняя свобода нарушать подвижные международные правила, которой до сих пор широко пользовались привыкшие к своему первенству западные страны, будет систематически подвергаться международному осуждению на судебных площадках. Особенно заинтересованы в этом так называемые колеблющиеся государства. Они склонны активно содействовать наметившемуся переходу к более акцентированному эгалитаризму в социокультурной среде международного общества и подталкивать его, обращаясь к международному праву как к той сфере (части социокультурной среды), в которой легитимизируются правила межгосударственного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богданов [Малиновский] А.А. (1911) Культурные задачи нашего времени. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников. 92 с.
- Bogdanov [Malinovskij] A.A. (1911) *Kul'turnye zadachi nashego vremeni* [Cultural Challenges of Our Time]. Moscow: S. Dorovatovskij i A. Charushnikov. 92 p. (In Russ.)
- Богданов А.А. (1922) Очерки организационной науки // Metodolog.ru. (<https://www.metodolog.ru/00051/00051.html>)
- Bogdanov A.A. (1922) *Ocherki organizacionnoj nauki* [Essays in Organizational Science]. Metodolog. ru. (<https://www.metodolog.ru/00051/00051.html>) (in Russ.)
- Богданов А.А. (2003) Эмпириомонизм: Статьи по философии. М.: Республика. 400 с.
- Bogdanov A. (2003) *Empiriomonizm: Stat'i po filosofii* [Empiriomonism: Essays in Philosophy]. Moscow: Respublika. 400 p. (In Russ.)
- Гусарова М.А. (2021) К вопросу о роли Гуго Гроция в становлении юснатуралистского типа правовопонимания в эпоху Нового времени // Общество: политика, экономика, право. Т. 90. № 1. С. 71–75. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.1.13>
- Gusarova M.A. (2021) K voprosu o roli Gugo Grociya v stanovleniiy usnaturalistskogo tipa pravoponimaniya v epohu Novogo vremeni [The Issue of Hugh Grotius' Role in the Formation of the Jusnaturalist Type of Legal Thinking in the New Age]. *Society: Politics, Economics, Law*. vol 90, no. 1, pp. 71–75. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.1.13> (in Russ.)
- Делёз Ж., Гваттари Ф. (2010) Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Пер. с франц. Я.И. Свирского. М.: Астрель. 895 с.
- Delyoz Zh., Gvattari F. (2010) *Tysyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translation from French by Svirsky Ya. Moscow: Astrel. 895 p. (in Russ.)
- Кезин А.В. (2006) Натуралистические подходы в эпистемологии XX века. М.: ИНИОН РАН. 100 с.
- Kezin A.V. (2006) *Naturalisticheskie podhody v epistemologii XX veka* [Naturalistic Approaches in 20th Century Epistemology]. Moscow: INION RAN. 100 p. (in Russ.)
- Клейнер Г.Б. (2023) Системная методология Александра Богданова в контексте современного экономического мировоззрения // Вопросы экономики. № 3. С 24–39. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-24-39>
- Klejner G.B. (2023) *Sistemnaya metodologiya Aleksandra Bogdanova v kontekste sovremennogo ekonomicheskogo mirovozzreniya* [Alexander Bogdanov's System Methodology from the Perspective of the Modern Economic Worldview]. *Voprosy Ekonomiki*. no. 3, pp. 24–39. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-24-39> (in Russ.)
- Месуди А. (2019) Культурная эволюция. Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру и объединить социальные науки. М.: «Дело» РАНХиГС. 384 с.
- Mesudi A. (2019) *Kul'turnaya evolyuciya. Kak teoriya Darvina mozhet prolit' svet na chelovecheskuyu kul'turu i ob'edinit' social'nye nauki* [Cultural Evolution. How Darwinian Theory Can Explain Human Culture and Synthesize the Social Sciences]. Moscow: "Delo" RANHiGS. 384 p. (in Russ.)
- Шевченко В. (2020) Что не так с теорией ассамбляжей? // Логос. Т. 30. № 5. С. 131–164. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-5-131-161>
- Shevchenko V. (2020) Chto ne tak s teoriey assamblyazhej? [What is Wrong with the Assemblage Theory?]. *Logos*. vol. 30, no. 5, pp. 131–164. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-5-131-161> (in Russ.)
- Bull H. (1977). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan. 335 p.
- Cook M. (2021) Australia's South China Sea Challenges // Lowy Institute Policy Briefs. 26 May. (<https://www.lowyinstitute.org/publications/australia-s-south-china-sea-challenges>)

- DeLanda M. (2006) Deleuzian Social Ontology and Assemblage Theory // In: Deleuze and the Social. Ed(s): Fuglsang M., Sorensen B.M. Pp. 250–266.
- Durel L. (2024) EU Border Carbon Adjustment Compliance and the WTO: The Interactional Evolution of Law // Journal of International Economic Law. Vol. 27. Pp. 18–40. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgae007>
- Elias N. (2001) The Society of Individuals. London: Continuum. 258 p.
- The Expansion of International Society (1984) Ed(s): Bull H., Watson A. Oxford: OUP. 490 p.
- Flockhart T. (2016) The Coming Multi-order World // Contemporary Security Policy. Vol. 37. No. 1. Pp. 3–30. <http://dx.doi.org/10.1080/13523260.2016.1150053>
- Flockhart T. (2024) NATO in the Multi-order World // International Affairs. Vol. 100. No. 2. Pp. 471–489. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae004>
- Hirschl R. (2008) The Judicialization of Mega-Politics and the Rise of Political Courts // Annual Review of Political Science. Vol. 11. Pp. 93–118. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.053006.183906>
- James A. (1973) Law and Order in International Society // In: The Bases of International Order: Essays in Honour of C.A.W. Manning. Ed(s): James A. London: OUP. Pp. 60–84.
- Kronfeldner M. (2006) Is Cultural Evolution Lamarckian? // Biology & Philosophy. Vol. 22. No. 4. Pp. 493–512. <https://doi.org/10.1007/s10539-006-9037-7>
- Krzyżanowski M. (2020) Normalization and the Discursive Construction of “New” Norms and “New” Normality: Discourse in the Paradoxes of Populism and Neoliberalism // Social Semiotics. Vol. 30. No. 4. Pp. 431–448. <https://doi.org/10.1080/10350330.2020.1766193>
- Tangkilsan Yu.B. (2019) Sovereignty on Seas: The Making of the Declaration of Djuanda 1957 // In: Proceedings of the fourth Asia-Pacific Research in Social Sciences and Humanities, Arts and Humanities Stream (AHS-APRISH 2019). (<https://www.atlantis-press.com/proceedings/ahs-aprish-19/125987317>)
- Taylor D. (2009) Normativity and Normalization // Foucault Studies. No. 7. Pp 45–63.
- The Globalization of International Society (2017) Ed(s): Dunne T., Reus-Smit Ch. Oxford: OUP. 520 p.
- Wight M. (2022) Why Is There No International Theory? // In: Yost D. (ed). International Relations and Political Philosophy. Oxford: OUP. Pp. 22–38. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198848219.003.0002>
- Zeleny M. (1988) Tektology // International Journal of General Systems. Vol. 14. No. 4. Pp. 331–342. <https://doi.org/10.1080/03081078808935022>

Информация об авторе

Стрежнева Марина Вадимовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра европейских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО). Адрес: 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

About the author

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, 23 Profsoyuznaya st., Moscow, Russia. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 05.06.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.08.2024